

**Стилистика повести С.И. Снеессоревой
«Дарьюшка. Очерк жизни русской странницы»**

© А. А. ЧУРКИН,
кандидат филологических наук

Повесть С.И. Снеессоревой «Дарьюшка. Очерк жизни русской странницы» (1864) занимает особое место в русской литературе. Кроме своего историографического значения, свидетельства церковной жизни Петербурга середины XIX века, она замечательна тем, что в ней предпринята одна из первых попыток художественного осмысления феномена русского странничества. Сложившаяся в западноевропейской литературе интерпретация мотива странника плохо подходила для создания образа русского богомольца, поэтому в 60-е годы началось переосмысление и преодоление романтических шаблонов. Для своей повести С.И. Снеессорева нашла художественные приемы, органично подходящие для разработки этой тематики. Опираясь на записи реальных разговоров своего сына с монахиней Исидорой, она создала яркое произведение, сочетающее в себе элементы сказа, литературного анекдота и мемуаристики. Повесть «Дарьюшка» во многом предопределила дальнейшее осмысление этой темы в прозе Н.С. Лескова, сщмч. Серафима Чичагова и других русских светских и духовных писателей.

Ключевые слова: С.И. Снеессорева, сказ, анекдот, воспоминания, мотив странника.

The story «Daryushka. The sketch of a Russian woman pilgrim's life» by S.I. Snesoreva (1864) holds a special place in Russian literature. Being an evidence of Church life of St. Petersburg of the middle XIX century, in addition to its historiographical significance it represents the first attempt to consider artistically the phenomenon of Russian pilgrimage. The prevailing interpretation of the motif of the wanderer in West-European literature was unsuitable for creating an image of the Russian pilgrim. So in sixties of 19th century began the process of reinterpretation and overcoming of the romantic templates. S.I. Snesoreva found artistic techniques organically suited to the elaboration of this subject. Based on the records real conversations with nun

Isidora that had been made by Snessoreva's son, she created the outstanding story that combines the elements of narration, literary anecdotes and memoirs. The story «Daryushka» predetermined in many aspects the further understanding of this theme in the prose of N. S. Leskov, St. Seraphim Chichagov and other Russian secular and religious writers.

Key words: S. I. Snessoreva, narration in first person, anecdote, memoirs, motif of the wanderer.

Творчество Софьи Ивановны Снеессоревой (1815–1904) распадается на две части: начинала она как переводчик, сотрудник «Библиотеки для чтения» и других журналов. Наиболее значительными произведениями стали переложения сказок Братьев Grimm. Со временем она все больше времени уделяет самостоятельному творчеству, преимущественно на духовную тему.

В силу своего высокого художественного уровня и значимости для истории русской культуры творчество Снеессоревой представляет большой интерес, но, к сожалению, оно еще мало изучено. Важным шагом стала публикация ее автобиографии и переписки со свт. Игнатием (Брянчаниновым) [1]. Знакомство и сотрудничество с ним стало решающим событием в становлении Снеессоревой как духовной писательницы: она помогала готовить к печати его сочинения, он стимулировал ее к писательству на духовные темы. Повесть «Дарьюшка. История русской странницы», опубликованная в 1864 году вначале в журнале «Духовная беседа», а затем неоднократно отдельными изданиями, стала ее первым опытом в этой сфере. Кроме своего историографического значения, свидетельства церковной жизни Петербурга середины XIX века, она замечательна тем, что в ней предпринята одна из первых попыток художественного осмысления феномена русского странничества.

Повесть «Дарьюшка» отличается очень продуманной, можно сказать изощренной, композицией. Вначале Снеессорева дает краткий очерк жизни своей героини, затем ее портрет, какой она запомнилась тем, кто знал ее в последние годы жизни. В этих нескольких абзацах, как в увертюре, заявлены основные персонажи и мотивы, которые в дальнейшем будут уточняться, расширяться и взаимно переплетаться. Основной текст повести строится на чередовании нескольких речевых жанров: сказа, в форме которого изложены 12 рассказов Дарьюшки о своей жизни, и воспоминаний, иногда авторских, от первого лица, иногда в форме анекдотических историй, услышанных от третьих лиц.

Рассказ о паломничестве в Соловецкий монастырь, который в некоторых изданиях повести выделяется в отдельную главку «Соловецкая дорожка», становится первым в цикле сказов Дарьюшки о своей жизни. Начинается он духовным стихом: «Соловецкая ты, свет, моя дороженька, будто золотом ты посеяна и серебром пересыпана, дорогим камешком

укладена. По Соловецкой-то дорожке течет речка Медвяная бережки-то сахарные...» [2. С. 13]. Неприметно для читателя, духовный стих перетекает в забавную историю о том, как странница затопила келью игумена Иллариона. «Да уйми Ты, Господи, батюшку, Ты, Иларюшку, покойную головушку! Приходили-те странники из дальней дороженьки, поспешали во святую обитель вместе с раннею зарею, между утренею и раннею обеднею, а худая-то богомолица да прямо в кельюшку к набольшему батюшке, архимандриту да Иларюшке...» [Там же. С. 14] Переход от духовного стиха к жанровой зарисовке сделан так, что невозможно обнаружить стыка между текстами: в старинную псалму вплетаются упоминания о нынешнем настоятеле, фольклорно-поэтические образы постепенно сменяются на реалии монашеского быта. Более того, в рассказе о приключении с курганчиком инерция стиля духовного стиха сохраняется в авторской саморефлексии: Дарьюшка называет себя в этом эпизоде не уничижительно-иронично «дураком» или «худым человеком», как в остальных беседах, а «богомолоцкой».

Беседы Дарьюшки – это не просто безыскусные рассказы пожилой крестьянки: каждый из них отличается законченностью сюжета. В повести есть рассказ о том, как юный сын Снессоровой Николай записывал беседы со старицей: «Не раз, (...) мальчик порывался неумелою еще рукою записывать рассказы милой ему старушки. Она же с любовью покорялась его желанию и часто целые зимние вечера повторяла ему одно и то же, пока он вкривь и вкось выводил непривычно длинные строки. (...) Большая часть предлагаемых здесь рассказов записана его детскою рукою с ее слов и перепечатывается целиком почти без поправок. (...) Мы будем стараться, по возможности, сохранить все рассказы в первобытном их виде» [Там же. С. 10]. Скорей всего, прежде чем быть записанными Князем, так прозвала сына Снессоровой Дарьюшка, они прошли длительную устную обкатку, отшелушившую все второстепенное, отшлифовавшее главное.

В заслугу С. И. Снессоровой можно поставить то, как ей удалось устный текст трансформировать в письменный. Она сохранила ту меру диалектизмов и просторечия, которая необходима, чтоб у читателя возник эффект «слышанья иного голоса», ощущения его индивидуальности. Щепетильность в отношении языка, понимание ценности сказа как художественной формы речи отличает ее подход к работе с текстом. Сказы Дарьюшки настолько органично вплетены в ткань повести, что нельзя не поразиться тому, как ее талант сказительницы сочетается, вступает в своеобразное соавторство с мастерством Снессоровой как редактора. Это особенно заметно при сравнении повести «Дарьюшка» с житием «Инокими Исидоры (Дарьи-странницы)», опубликованным в многотомном собрании жизнеописаний подвижников благочестия, вышедшем в свет в начале XX века [3]. Автор последнего сщмч. Никодим Белгородский

(Кононов), взял за основу текст повести Снеессоревой, но значительно его сократил, исключив почти все рассказы о странствиях блаженной по России, главу «Соловецкая дорожка» и рассказ о пустынноике. Автор жития изменил композицию повести, выстроил рассказ в хронологической последовательности, и сгладил ее стилистику, приблизив к письменной языковой норме. Впрочем, это был общепринятый подход при подготовке к изданию церковной литературы: сходным образом редакторы, в том числе свт. Феофан Затворник, сокращали двусмысленные с точки зрения догматики эпизоды и нивелировали элементы просторечия в «Откровенных рассказах странника».

Легкая юмористичность рассказа Дарьюшки о пролитом в келье игумена самоваре задает тон для нескольких анекдотических историй из петербургского периода жизни старицы. Примечательно, что в данном рассказе присутствует скорее не юмор, а самоирония. В типичных фольклорных текстах комической фигурой является священник, а в рассказе Дарьюшки она сама. Это ставит данный рассказ в промежуточное положение между анекдотом фольклорным и литературным. Литературный анекдот – замечательный жанр, очень продуктивный в тех случаях, когда в авторскую задачу входит показать особенности национального характера и образа жизни. Наиболее глубоко проблемы поэтики русского литературного анекдота были исследованы в работах Е.Я. Курганова [4]. В мемуарно-биографической прозе XIX века этот жанр широко используется, если надо охарактеризовать персонаж, сформировать в сознании читателя образ непринужденного рассказчика. Истории о гусарском полковнике, пожертвовавшем Дарьюшке шитый золотом ментик, или о ее встрече с митрополитом Петербургским являются замечательными образцами этого жанра. Неожиданные коллизии, возникающие в общении с простой и смиренной героиней лиц, принадлежащих к высшей аристократии, помогают Снеессоревой буквально несколькими штрихами создать яркий, объемный образ блаженной.

То, что стилистическую основу повести составляют два речевых жанра – анекдот и сказ – не случайно: в конце концов, главное в нашей литературе произведение, написанное в форме сказа, – «Шинель» Гоголя – создано на основе анекдота. Анекдот позволяет увидеть сокровенную суть героя, а если это реальный человек, раскрыть его с неожиданной, но значимой для рассказчика стороны. Кроме того, литературный анекдот дает возможность ввести в литературу новый тип персонажа, в 30-е годы – мелкого чиновника, а в 60-е настала очередь духовных лиц. Как ни странно, до эпохи Великих реформ в нашей литературе практически не встречается произведений, где священник, монах, или архиерей является главным героем, где темой становится быт русского духовенства. Начиная с конца 60-х годов такие произведения становятся обычными. Повесть Снеессоревой в этом отношении являет собой переходный этап в разра-

ботке данной тематики: перед нами в виде персонажей литературных анекдотов проходит целая галерея церковных деятелей: обер-прокурор Протасов, игуменья Феофания и инокия Варсонофия, архимандрит Илларион Соловецкий и свт. Игнатий Брянчанинов; некоторые из них, кстати, десятилетием позже станут персонажами книг Н.С. Лескова.

Композиция повести «Дарьюшка» организована в соответствии с принципом герменевтического круга, когда одна и та же тема присутствует многократно, под разными углами зрения, все более насыщаясь деталями. Биография Дарьюшки распадается на три периода: деревенское детство, странничество и жизнь в Петербурге. Вначале Снеессорева обрисовала ее портрет от своего лица, стилистически нейтральной литературной речью. Затем она рассказала о странническом и Петербургском периодах ее жизни в форме цепочки анекдотичных историй, опираясь на свои воспоминания и слова очевидцев. После этого наступила очередь услышать рассказы о жизни из уст самой старицы.

Как уже отмечалось, Дарьюшка, несомненно, была талантливой сказительницей. Каждая ее история – это законченный художественный текст. Записывались они сыном Снеессоревой, и, включая их в повесть, почти каждую из них она начинает с краткого диалога Князя с Дарьюшкой, например такого: «– Ну, а расскажи мне, Дарьюшка, отчего тебя так любят твои матушки монахини? И ты отчего их так любишь, что не хочешь даже вернуться на родимую сторонушку?

– Да как же худому человеку не любить хороших матушек? Слушай, Князь, я тебе что скажу» [2. С. 27]. И далее следует история о жизни в Горлицком монастыре, о пострижении м. Варсонофии. Такие зачины помогают читателю ощутить себя участником беседы, установить личный контакт с персонажами.

Здесь нужно сделать некоторое отступление от анализа текста повести. В 60-е годы в России начинается новый этап осмысления феномена юродства и странничества. Одним из поводов к этому стала смерть в 1861 году известного московского прорицателя и блаженного Ивана Яковлевича Корейши. Еще при жизни он превратился в «медиафигуру», о которой писали газеты и журналы, а позже стал прототипом героев многих произведений русской литературы. Он не был канонизирован Православной Церковью, поскольку отношение современников к нему было очень противоречивым: при нем существовал широкий круг его почитателей, в том числе влиятельных лиц, одновременно были его ярые противники, подозревавшие его в шарлатанстве. Даже у свт. Игнатия (Брянчанинова) отношение к Корейше было неоднозначным; в «Приношении к современному монашеству» он ставит под сомнение пророческий дар Ивана Яковлевича, приписывая его бесовской силе [1. С. 55]. Однако спустя три года, когда вышла в свет нашумевшая книга публициста-народника И.Г. Прыжова «26 московских лже-пророков,

лже-юродивых, дур и дураков» [5], свт. Игнатий осудил ее, высказавшись так: «В первых двух статьях, особливо в первой об Иване Яковлевиче, выставлено участником их лицо, предмет общего уважения, и превращено в предмет насмешки. Опять: как этой брошюре не иметь своего действия на легкомысленных! Новые философские книги сбивают с толку ученых» [1. Т. VIII. С. 160].

Еще одна книга И.Г. Прыжова «Житие Ивана Яковлевича известного пророка в Москве» [6] и повесть «Дарьюшка» вышли в один год, но идейное и художественное значение их принципиально различны. Острая полемика, развернувшаяся вокруг личности Корейши и юродства в целом, носила отвлеченный характер. Она строилась на поверхностных впечатлениях лиц, малознакомых с блаженными, наблюдавших их поведение издали, или в пересказах экзальтированных поклонников.

Материал, легший в основу книги Снеессоревой, был совершенно иного качества. Это свидетельство близкого человека, записи откровенных и бесыскусных бесед: вот почему в образе Дарьюшки нет ничего иррационального, ее поведение всегда мотивировано образованием, воспитанием, образом жизни, или личными взаимоотношениями с другими лицами. В повести нет даже обязательных для жанра жития блаженной рассказов о чудесах, или пророчествах, возможно в этом сказалось влияние свт. Игнатия, как известно, очень осторожно относившегося ко всему сверхъестественному. Так, Дарьюшка шьет из лоскутов одежду для нищих, собирает милостыню и раздает собранное другим, но дары ее не толкуются аллегорически, как, например, в житии блаженной Ксении. Она молится за других, но благополучный исход событий Снеессорева не приписывает ее молитве. При этом отношение к Дарьюшке окружающих также лишено каких бы то ни было суеверных черт: и Князь, и монахини, и автор относятся к ней как к блаженной старице, но не воспринимают ее праведность как нечто мистическое.

Рассказы о хождениях Дарьюшки по святым местам, как ни странно, являются одной из первых попыток в нашей прозе создать реалистичный образ русского паломника. Мотив странника – один из самых древних в мировой литературе, берущий свое начало если не из фольклорной традиции, то, по крайней мере, от Авраама и Одиссея. Он обрел особую популярность в эпоху романтизма, когда появилось много его идейных разновидностей: восторженный пилигрим, странник-изгой, странник-поэт, странник добровольный беглец от мира. Для романтической интерпретации этого мотива важна идея стойкости человеческого духа в борьбе со стихийностью дикой природы и человеческого общества. Богомольцы, которые бродили по дорогам России XIX века, отнюдь не были носителями подобной идеологии, поэтому, когда русская литература приступила к художественному освоению феномена странничества на родном материале, возникла необходимость обновления мотива, преодоления его романтических шаблонов.

Процесс переосмысления этого мотива начался со смены его литературного контекста: место Байрона и немецких романтиков, дававших на протяжении нескольких десятилетий материал для ассоциаций и аллюзий, заняли былины и духовный стих. Элементы такой трансформации есть уже в стихотворении Некрасова «Влас» (1855), но в повести Снеессоревой она присутствует уже в полной мере: «Соловецкая дорожка», стих записанный от Дарьюшки, стал своего рода камертоном, определяющим художественное восприятие этой темы в повести. Особенный язык, с элементами просторечия, также помогает отключиться от романтической традиции. Позже, когда Лесков задумывал «Очарованного странника», он хотел опереться на доромантическую традицию, на Фенелонова «Телемака» (первоначальная редакция этой повести Н. С. Лескова так и называлась: «Черноземный Телемак»), но в итоге уступил напору духовного стиха и прозаической фольклорной легенды – родной языковой стихии, на то время еще малоосвоенной литературой, свежей и сильной.

Гордое противостояние необузданным силам природы, свойственное романтическому страннику, было уделом мужского персонажа, исключения из этого правила были редки. Православная богомолка Дарьюшка, слабая женщина, старушка, тем более не могла быть подогнана под такой шаблон; вот почему, наверно, когда, казалось бы, возникает почва для типично романтического сюжета, встречи с благородным разбойником, его разработка и финал не укладываются в привычную схему. Это одна из кульминаций повести, когда в атамане разбойников, увидевшем сходство пожилой женщины со своей матерью, пробуждается сострадание; спасая ее, он вступает в конфликт с бандой, несет на руках до деревни, а после, покаявшись, выходит из лесу и сдается властям вместе с остальными разбойниками.

Не гордое одиночество и противостояние миру, а уязвимость старицы – главная черта в образе Дарьюшки: ее слабость побуждает людей к сочувствию, желанию оказать милость не только подаянием, но и делом: ей трудно нести груз гостинцев, и ее спасает богатая странница; после истории с разбойниками она заболевает, и ее выхаживают сердобольные крестьяне. Ярче всего эта черта проявляется в описании ее путешествия на «огненной машине». Бросившись разыскивать своих горицких «матушек-утешниц», она зимой уходит из деревни, не взяв верхней одежды, и замерзает на палубе парохода. Случайно ее обнаруживает капитан, спасает, отогревает и заботится о ней остальную часть пути.

Русская литература середины XIX века богата произведениями о паломничестве по святым местам, достаточно вспомнить книги А. Н. Муравьева, А. Норова, Святогорца. В отличие от них в рассказах Дарьюшки совсем нет описаний храмов, монастырей, святынь: главный акцент в них сделан на бытовой стороне хождений, на отношении к страннице

со стороны встречающихся ей русских людей. Это во многом роднит повесть Снеессоровой с упомянутыми уже «Откровенными рассказами странника», писавшимися примерно в то же время. С другой стороны, поскольку персонаж повести не вымышлен, а является реальным человеком, и духовный подвиг ее совершался втайне от окружающих, то в повести не могло появиться подробных рассказов о молитвенной практике блаженной. Лишь в одном эпизоде приоткрывается нам эта сокровенная сторона ее жизни: «Вот видишь, Горюша, хорошие старцы поучали меня, что каждый час надо вставать да творить молитву; ведь каждый-то час люди Божий в болезнях али в трудах невыносливых, аль родятся, аль умирают, а кому нет времени и подумать о своей душеньке, ну, а ты, пока Господь терпит тебе не по грехам твоим, что тебе делать? Вот ты и стой пред Господом как часовой, да день и ночь призывай Его милосердие! Ну, а на то дурак им в ответ:

– Да ведь он убогий человек и молитв-то не знает и грамоте не учился!

– Не беда, только молись, а Господь уж научит как.

И молилась Дарьюшка без устали: “Нет Тебя, Господи, краше, нет Тебя добрее!”» [2. С. 51].

Эта любимая молитва Дарьюшки, неоднократно встречающаяся на страницах повести, сама по себе очень примечательна. Внешне она напоминает народные молитвы, но это соседство сравнительных прилагательных «краше» и «добрее» вряд ли случайно повторяет парное сочетание свойств Божиих: красоты и доброты-благодати, являющихся ядром византийской мистики. У св. Дионисия Ареопагита божественные имена Красота и Благодать являются высшей ступенью апофатики, источником и объектом Божественной любви [7]. Узнала ли блаженная Дарьюшка этот род молитвы от кого-то из старцев, во время своих странствий, или открыла его для себя самостоятельно, по Божьему откровению, – в любом случае, это не может не привести на мысль о возможной глубине ее мистических прозрений. По-другому в этом контексте видится и отзыв свт. Игнатия о ней: «такие простые христианские души, как Дарьюшка, очень близки к Богу, между ими и Богом нет тех ширм, той каменной стены, которые поставляются образованностью и обычаями мира сего» [1. С. 533].

Сам свт. Игнатий появляется в повести Снеессоровой лишь вскользь, через краткое упоминание его, но оно дорогого стоит. Большинство воспоминаний о святителе написаны лицами образованными: либо родными, либо учениками, либо знакомыми из высшего света. Естественно, в общении с ними он выглядит как лицо, соответствующее своему сану, вежливым и дружелюбным, но всегда с некоторой аристократичной отстраненностью. Слова Дарьюшки буквально взрывают этот устоявшийся образ: «Раз в зимнее время сижу это я подле Царицы Небесной за рабо-

тою; красоты-то [имеются в виду лоскуты] добрые люди много надавали, так все и ладила как бы получше. Игнатьюшки-то не было, чтобы помочь мне да поскорее смекнуть да понарезать лоскуты как лучше – вот твоего-то любимого батюшки Сергиевского. Ох, уж больно он смеллив, да уж и утешник какой убогих людей! Сядет это с тобою наземь, почнет кроить да резать разную красоту, словно ученый портной, а сам с тобою все таково весело гуторит, и не видишь, как уму-разуму поучает да слово Божие в душу насаждает» [2. С. 59].

Последние пять сказов Дарьюшки посвящены ее жизни в Петербурге, она рассказывает о трудных первых годах строительства Новодевичьего монастыря, о том, как собирала милостыню в башне у Московской заставы, о своей встрече с генералом, оказавшимся обер-прокурором Протасовым, и, наконец, о своем пострижении. Эти истории служат своего рода прологом к написанным позднее книгам Снеессоревой, посвященным истории Новодевичьего монастыря. Более того, блаженная Дарьюшка, такая, как ее описала Снеессорева, стала первой в череде образов блаженных, созданных впоследствии в нашей духовной литературе.

Литература

1. *Брянчанинов Игнатий святитель*. Полн. собр. творений. М., 2003. Т. V.
2. *Снеессорева С.И.* Дарьюшка: Из жизни русской странницы. М., 2013.
3. *Кононов Никодим*. Инокня Исидора (Дария-странница) //Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. Издание Введенской Оптиной пустыни. 1994. С. 16–32.
4. *Курганов Е.Я.* Литературный анекдот пушкинской эпохи. Хельсинки, 1995; Курганов Е.Я. Анекдот как жанр. СПб., 1997.
5. *Прыжов И.Г.* Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. М., 1864.
6. *Прыжов И.Г.* Житие Ивана Яковлевича известного пророка в Москве. СПб., 1860.
7. *Минин П.* Главные направления древнецерковной мистики //Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 349–351.

Санкт-Петербург